

Результат использования источника во многом зависит от того, какую информацию хочет получить исследователь, какие методы он решил применить для максимально эффективного изучения его информационного потенциала. Художественное кино может быть использовано для изучения устойчивых образов, стереотипов, представлений, имевших значение для культуры своего времени. В случае с советским кинематографом, художественные фильмы могут служить важнейшим элементом изучения доминировавшей на официальном уровне идеологии, методов агитации и пропаганды.

¹ Кинематограф // Кино. Энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986.

² Документальное кино // Кино. Энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986.

³ См.: *Магидов В. М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005.

⁴ Художественное кино // Кино. Энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986.

⁵ См.: *Аннинский Л. А.* Шестидесятники и мы. М., 1988. Кинематограф оттепели. Сб. статей в 2-х томах. М., 2000-2002

⁶ См.: *История страны. История кино.* М., 2004.

⁷ *Магидов В. М.* Указ. соч. С. 224.

⁸ См.: *Лебедев Н. А.* Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918 – 1934 годы. М., 1965.

⁹ См.: *Баталина А. В.* Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие. // Материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию факультета технотронных архивов и документов. М., 2004.

А. С. Мохов

Уральский государственный университет

ОБРАЗЫ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИКАХ XI в.¹

Одной из отличительных особенностей византийских исторических сочинений второй половины X–XI в. является пристальный интерес, который хронисты проявляют к внешней политике империи и многочисленным войнам этого периода. Авторы более раннего времени ограничивались, как правило, лишь упоминанием имен византийских полководцев, изредка называя их титулы или должности. Гораздо больше их интересовали церковные проблемы или подробности придворной жизни².

В сочинениях второй половины X–XI в. военным сюжетам уделяется значительно большее внимание. Помимо имен, титулов и должностей в источниках появляются пространные жизнеописания византийских военачальников и, в особенности, императоров-полководцев. На данное существенное изменение в византийской историографии обращали внимание

многие исследователи³. В целом это объясняется аристократизацией византийского общества в X–XI вв. и формированием могущественной провинциальной знати, которая играла все более активную роль в управлении государством и вооруженными силами⁴. Другой причиной является удачная завоевательная политика Византии в правление императоров Никифора II Фоки (963–969), Иоанна I Цимисхия (969–975) и Василия II (976–1025).

Начало новой литературной традиции было положено в «Истории» Льва Диакона⁵. В данном сочинении содержатся пространные характеристики императоров-полководцев Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, особое внимание обращается на их воинскую доблесть, мужество и отвагу. Вместе с этим, образы других военачальников (не императоров) в «Истории» очень схематичны. Хронист дает краткие и стандартные описания своих героев. Они, как правило, соответствуют не индивидуальности, а социальному статусу персонажа. Если это духовное лицо, то подчеркивается его благочестие и аскетизм, если это варвар, то он жесток, необуздан и дерзок. При описании военных деятелей используются эпитеты: сильный, храбрый, отважный, деятельный и энергичный⁶.

Византийские авторы XI в. продолжили данную традицию. Сообщая о многочисленных войнах, которые вела империя, они часто обращаются к вопросу о том, какими качествами должен обладать военачальник. Однако образ «истинного защитника Отечества» у представителей византийской историографии XI в. выглядит по-разному.

Михаил Пселл, известный политический и общественный деятель второй половины XI столетия, автор «Хронографии», являлся выразителем интересов столичной бюрократии⁷. Он признавал важную роль армии в государстве, но считал, что вооруженные силы должны находиться под «мудрым» руководством гражданского правительства⁸. Пселл не отказывается византийским полководцам в мужестве и отваге. Однако, по его мнению, военные несдержанны, легкомысленны и не понимают истинную выгоду государства⁹. Военачальники очень редко вызывают симпатии Пселла. Наоборот, он подвергает серьезной критике императоров, выходцев из военной среды. Особенно это касается Исаака I Комнина (1057–1059) и Романа IV Диогена (1068–1071)¹⁰. Единственным исключением является восторженная характеристика, которую Пселл дает одному из самых талантливых византийских полководцев первой половины XI в. Георгию Маниаку: «Я видел этого человека и восхищался им. Природа собрала в нем все, что требовалось для полководца...»¹¹.

Несмотря на то, что автор «Хронографии» не принимал участия в военных экспедициях (его кратковременное пребывание при армии в 1069 г. в расчет можно не принимать) и никогда не командовал войсками, он считал себя специалистом в военном деле. Пселл пишет, что каноны военной науки и способы ведения боя ему хорошо известны. По всей видимости, он

был знаком с военно-теоретическими сочинениями IX–X вв. («Тактика Льва», «Стратегия императора Никифора» и др.). В его замечаниях о важности правильного построения боевых порядков, о четких и быстрых перестроениях войск можно обнаружить прямые параллели с этими военными трактатами¹².

Современник Пселла Михаил Атталиат, который являлся выходцем из провинциальной среды, имел к вооруженным силам гораздо большее отношение. При Романе IV Диогене он являлся войсковым судьей и сопровождал императора во время походов против сельджуков. В «Истории» Атталиата есть «главный герой» – один из наиболее значительных военных деятелей Византии второй половины XI в., будущий император, Никифор III Вотаниат (1078–1081). Необходимо отметить, что военная карьера Вотаниата, его титулы и должности Атталиата совершенно не интересуют. Это не имело значения, так как Никифор достиг высшего, императорского достоинства. На первом плане находятся личные качества этого военачальника. Автором создается образ «полководца-рыцаря», благородного, знатного и мужественного¹³. На страницах «Истории» значительное число примеров личной отваги, героических поступков, самопожертвования Вотаниата¹⁴. Отметим также и то, что «главный герой» Атталиата щедр, справедлив и постоянно заботится о своих подчиненных¹⁵. Другие военачальники, современники Никифора III, не вызывают у автора «Истории» столь положительных оценок¹⁶.

Михаил Атталиат достаточно большое внимание уделил стратегии и тактике ведения военных действий. В отличие от большинства своих современников, которые выше всего ставили способность военачальника обмануть противника, вовремя применить военную хитрость и избежать таковой со стороны врага, автор «Истории» явно склоняется к тактическим приемам, которые использовались во время открытых столкновений с неприятелем. Он восхищается примерами, когда победа была достигнута путем быстрой и решительной атаки¹⁷. Кроме того, Атталиат считал себя знатоком военного дела. В его сочинении упоминается несколько случаев, когда Михаил выступал в роли советника императора Романа Диогена, находился при нем во время сражений или присутствовал на совещаниях по стратегическим вопросам¹⁸.

Кекавмен, автор «Советов и рассказов», принадлежал к провинциальной военной знати. Он служил в войске, но не занимал значительных постов. В его сочинении нет «главного героя», но зато содержится множество рекомендаций военачальникам о том, как им необходимо вести себя в различных ситуациях. Основная мысль Кекавмена сводится к тому, что надо во всем проявлять осторожность, заботиться о подчиненных, честно выполнять свои обязанности¹⁹. Примеров героизма, личного мужества и отваги на страницах «Советов и рассказов» очень мало. Автор чаще пишет о том, как поступать

не следует, иллюстрируя свои умозаключения многочисленными примерами из реальной военной практики. Иными словами, он предостерегает читателя, советует, как избежать поражения в бою, императорской немилости, интриг подчиненных²⁰.

Тактические пристрастия Кекавмена совершенно иные, нежели у Михаила Атталиата. Он является ярко выраженным сторонником тактики, основанной на использовании засад, внезапных атак и прочих военных хитростей. На страницах «Советов и рассказов» множество примеров применения подобных тактических приемов как самими византийцами, так и их противниками²¹. Тот военачальник, который сумел обмануть врага и одержать победу, удостоиваются похвалы Кекавмена. Полководцев, ставших жертвой вражеской хитрости, Кекавмен всячески высмеивает и порицает²².

Автор «Обозрения историй» Иоанн Скилица являлся гражданским чиновником высокого ранга²³. Его сочинение принято считать наиболее информативным из византийских хроник XI в. Приведенные Скилицей факты подтверждаются свидетельствами документальных источников, а титулы и должности упоминаемых им чиновников и военачальников часто совпадают с легендами моливдовулов, которые этим должностным лицам атрибутируются. Войнам он уделяет самое пристальное внимание, упоминая даже о незначительных столкновениях с соседними государствами. Кроме того, Скилица единственный из византийских авторов этого периода, кто подробно останавливается на составе византийских войск, приводит названия фем и наименования тагм, принимавших участие в военных операциях.

В самостоятельной части хроники Скилицы (20–50-е гг. XI в.) «главным героем» является известный военачальник Катакалон Кекавмен, участник множества войн, пограничных конфликтов и мятежей²⁴. Помимо Кекавмена, Скилица также подробно пишет о других военачальниках: Варде Склире, Никифоре Ксифии, Константине Диогене, Георгии Маниаке, Исааке Комнине²⁵. В них он, прежде всего, отмечает военную доблесть, мужество и находчивость. Определенное значение имеет и знатность происхождения военачальника.

По мнению Скилицы, очевидные заслуги этих и многих других полководцев не были оценены гражданским правительством, которое пренебрегало высшими командирами, унижало их и довело, в конечном итоге, до военного мятежа²⁶. Скилица считает справедливым, что талантливый военачальник Исаак Комнин сверг с престола «негодного» императора Михаила VI (1056-1057). Тем более что важнейшую роль в этом восстании играл Катакалон Кекавмен, щедро вознагражденный новым императором²⁷.

Подводя итоги, отметим, что определенная часть византийских авторов XI в., создавая образ «идеального полководца», прежде всего, обращают внимание на личные качества военачальника. Если для Михаила Пселла

главное в военном деле – это умение правильно выстраивать свои отряды для сражения, то для Атталиата и, в меньшей степени, для Скилицы на первом плане находится доблесть командира. Полководец должен быть мужественным, знатным, справедливым и щедрым. Иными словами, постепенно формируется образ «военачальника-рыцаря» («императора-рыцаря»). Данная тенденция впоследствии была развита в «Исторических записках» Никифора Вриенния и «Алексиаде» Анны Комниной.

¹ Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение», ГК 02.740.11.0578).

² В первую очередь, это относится к «Хронографии» Феофана. Особенностью данного сочинения является то, что автор не включает воинскую доблесть в перечень качеств, необходимых императору. Историография первой половины X в. создала ряд образов императоров-полководцев, но воинская доблесть, по-прежнему, не являлась обязательным элементом литературного образа василевса. См.: *Каждан А. П.* Социальные воззрения Михаила Атталиата // Сборник радова Византолошког института. 1976. Кн. 17. С. 14-15; *Бибиков М. В.* Развитие исторической мысли // Культура Византии (вторая половина VII – XII в.) / Под ред. З.В. Удальцовой, Г.Г. Литаврина. М., 1989. С. 104-110.

³ См.: *Острогорски Г.* История на Византийската държава. София, 1998. С. 412-415; *Любарский Я.Н.* Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла // Византийский временник. 1972. Т. 33. С. 99 сл.; *Литаврин Г.Г.* О мировоззрении Кекавмена // Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подг. текста, пер. и комм. Г.Г. Литаврина. М., 1972. С. 71 сл.; *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии (XI–XII вв.). М., 1974. С. 31-37.

⁴ См.: *Каждан А. П.* Об аристократизации византийского общества. VIII–XII вв. // Сборник радова Византолошког института. 1968. Кн. 11. С. 47-53; *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 15. P. 7-9; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия. 976–1081. М., 1977. С. 264-268.

⁵ *Leonis Diaconi Caloensis historiae libri decem* / Rec. C.D. Hase. Bonnae, 1828; *Лев Диакон.* История / Пер. М.М. Копыленко, статья М.Я. Сюзюмова, комм. М.Я. Сюзюмова и С.А. Иванова. М., 1988.

⁶ См.: *Сюзюмов М. Я.* Мировоззрение Льва Диакона // Сюзюмов М.Я. Византийские эподы. Екатеринбург, 2002. С. 337-339; *Бибиков М.В.* Развитие исторической мысли. С. 101-102.

⁷ См.: *Любарский Я. Н.* Историограф Михаил Пселл // Михаил Пселл. Хронография / Пер., статья и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978. С. 208-209.

⁸ *Бибиков М. В.* Развитие исторической мысли. С. 104-106.

⁹ *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Éd. par E. Renaud. T. 2. Paris, 1928. P. 87.

¹⁰ См.: *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл: личность и творчество // Безобразов П.В., Любарский Я.Н. Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001. С. 450-452, 461-462.

¹¹ Цит. по: *Михаил Пселл.* Хронография. С. 91. См. также: *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance. T. 2. P. 1-2.

¹² *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance. T. 2. P. 160.

¹³ *Michaelis Attaliotae Historia* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1853. P. 255.9-15, 302.15.

-
- ¹⁴ Ibid. P. 42.19-21, 56.1-5, 83.10-18, 97.20-23, 186.10-12.
- ¹⁵ Ibid. P. 95.17-19, 321.18-20.
- ¹⁶ Ibid. P. 19.5-10, 29.9-11, 34.17-23. О критике Атталиатом политических противников Никифора III см.: *Каждан А. П.* Социальные воззрения Михаила Атталиата. С. 14, 34-35.
- ¹⁷ *Michaelis Attaliothae Historia*. P. 126.2 – 127.14, 27.11-17, 231.13-17.
- ¹⁸ Ibid. P. 120.19-23, 162.22-28, 172.18-32.
- ¹⁹ Советы и рассказы Кекавмена. С. 276.11, 276.21-23, 284.17-19, 290.15-16.
- ²⁰ *Литаврин Г. Г.* О мировоззрении Кекавмена. С. 71.
- ²¹ Советы и рассказы Кекавмена. С. 134.29-30, 138.15, 166.26, 170.6 – 172.21, 174.18 – 176.7.
- ²² В тактических воззрениях Кекавмена прослеживается влияние византийской военно-теоретической мысли конца X – начала XI в. Речь идет о военном трактате «De Velitatione bellica», в котором описаны приемы пограничной войны. См.: *Dagron G., Mihăescu H.* Le traité sur la guérilla (De Velitatione) de l'empereur Nicéphore Phokas (963–969). Paris, 1986.
- ²³ См.: *Seibt W.* Ioannes Skylitzes. Zur Person des Chronisten // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1976. Bd. 25. S. 126.
- ²⁴ *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I.* Thurn. Berlin, New York, 1973. P. 407.22-45, 449.22-45, 450.85 – 451.44.
- ²⁵ Ibid. P. 288.23-26, 289.31-37, 319.94-4, 360.53-57, 381.38 – 382.56, 403.32 – 404.49.
- ²⁶ Ibid. P. 486.6-10.
- ²⁷ *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. P. 438.15-17. См.: *Махов А. С.* Командный состав византийской армии в 1055–1057 гг. // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 113 сл.

А. П. Павленко
Уральский государственный университет

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г.

**(на материалах «Известий Севастопольского совета военных
и рабочих депутатов»)**

Газеты, издававшиеся в 1917 г., широко используются для изучения революционных событий, прежде всего политических проблем. Периодическая печать также очень важна для изучения общественных настроений. Однако этот источник используется преимущественно или иллюстративно, или для получения отдельных фактов, важных для темы конкретного исследования.

В последние несколько десятилетий достаточно активно развиваются математико-статистические методы изучения исторических источников, в том числе периодической печати. Для исследования прессы большой ин-